

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Юридический факультет

Кафедра уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ПРАВО:
ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ,
ИСТОЧНИКИ**

Материалы
научно-практической конференции,
посвященной 100-летию
со дня рождения
профессора Д. С. Карева

**МОСКВА,
23-24 марта 2006 г.**

ДЕНЕЖНОЕ ВЗЫСКАНИЕ КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Как известно, одной из форм реализации ответственности участников уголовного судопроизводства, наступающей за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих процессуальных обязанностей, является денежное взыскание. Оно представляет собой предусмотренную Уголовно-процессуальным кодексом РФ меру принуждения, применяемую к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и другим субъектам уголовно-процессуальных правоотношений. Ее сущность же заключается во взимании в доход государства определенных денежных средств указанных лиц в целях пресечения или предупреждения их противоправного поведения в уголовном процессе, в том числе для обеспечения установленного порядка судебного заседания.

Вместе с тем денежное взыскание существенным образом отличается от других уголовно-процессуальных мер принудительного характера. Это отличие выражено в том, что оно, как мы уже отметили выше, является формой реализации некой юридической ответственности. А все остальные меры принуждения (и задержание подозреваемого, и меры пресечения, и «иные» меры принуждения) носят исключительно профилактический или пресекающий характер. Исходя из изложенного, справедливо возникает вопрос: какую правовую природу имеет юридическая ответственность, реализуемая посредством денежного взыскания? С целью найти ответ на данный вопрос мы провели небольшое исследование, в ходе которого предприняли попытку сравнения денежного взыскания с традиционными формами юридической ответственности — уголовной, гражданско-правовой, административной и дисциплинарной¹. В результате мы пришли к выводу, что ответственность участников уголовного судопроизводства, выражаемая в форме де-

* *Россинский С.Б.* — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Московского городского университета управления Правительства Москвы.

¹ См.: *Россинский С.Б.* Проблемы правовой регламентации административной ответственности участников уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы теории и практики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений: сборник материалов международной научно-практической конференции к 75-летию Тульского госуниверситета (20–21 мая 2004 г.). Тула, 2004. С. 192–196.

нежного взыскания вообще не имеет определенной юридической природы.

Так, основанием для наступления юридической ответственности может являться только соответствующее правонарушение (для уголовной ответственности — преступление, для гражданской — гражданско-правовой проступок и т.д.). При этом представляется, что нарушение участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей весьма проблематично отнести к какому-либо виду правонарушений. Очевидно, что его нельзя расценивать как гражданско-правовой проступок, поскольку последний, как известно, имеет своим объектом имущественные или связанные с ними личные неимущественные отношения, урегулированные частноправовыми нормами, и получает свое внешнее выражение в форме неисполнения (ненадлежащего исполнения) договорных отношений. По этой же причине правонарушения, совершаемые в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности, не являются дисциплинарными проступками, поскольку они не направлены на внутренний распорядок деятельности предприятий, учреждений и организаций и не совершаются их сотрудниками.

Рассматриваемые правонарушения участников уголовного судопроизводства не следует считать и преступлениями. Так, уголовно наказуемыми признаются только деяния, предусмотренные Особенной частью Уголовного кодекса (ст. 14 УК РФ). В сфере осуществления уголовно-процессуальной деятельности таковыми, например, являются отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 УК РФ), разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ) и пр. Но при этом неправомерные действия или бездействие участников уголовного судопроизводства, влекущие наложение денежного взыскания не установлены ни одной из норм УК РФ. Помимо этого, уголовная ответственность может быть реализована только посредством одного из уголовных наказаний, полный перечень которых приведен в ст. 44 УК РФ, где ничего не говорится о так называемом денежном взыскании (термин «взыскание» в уголовном праве вообще не используется). И, наконец, уголовно-правовая норма может быть применена к лицу, совершившему преступления, не иначе как в порядке уголовного судопроизводства, тогда как для наложения денежного взыскания предусмотрен свой собственный порядок (ст. 118 УПК РФ).

Нам представляется, что по существу те неправомерные действия (бездействие) участников уголовного судопроизводства, которые обуславливают наложение денежного взыскания, более всего напоминают административные правонарушения. В частности, они не характеризуются высокой степенью общественной

опасности. Кроме того, они посягают на порядок производства по уголовному делу, т. е. на общественные отношения, возникающие в ходе осуществления властных полномочий органов государственной власти и их должностных лиц. И, наконец, предусмотренная ст. 118 УПК РФ процедура наложения денежного взыскания весьма напоминает порядок производства по делу об административном правонарушении (составление первичного протокола, вынесение постановления о наложении взыскания и т.д.).

Следовательно, денежное взыскание в уголовном процессе целесообразно было бы расценивать как одну из мер административной ответственности. Однако подобная и, как нам представляется, теоретически правильная позиция противоречит законодательству об административных правонарушениях. Так, во-первых, административным правонарушением признается только деяние, предусмотренное особенной частью Кодекса РФ об административных правонарушениях или же законами субъектов РФ (ст. 2.1 КоАП РФ). При этом неправомерные деяния участников уголовного судопроизводства, влекущие наложение денежного взыскания установлены УПК РФ, а не вышеупомянутыми административно-правовыми нормами. Во-вторых, административная ответственность может быть реализована только посредством административных наказаний, исчерпывающий перечень которых приводится в ст. 3.2 КоАП РФ, причем ни о каком денежном взыскании там не упоминается. Конечно, по характеру такая мера принуждения очень напоминает административный штраф, однако формально — это совершенно иная форма выражения юридической ответственности. Тем более что законодатель в новом Кодексе РФ об административных правонарушениях вообще уходит от термина «взыскание» и использует термин «административное наказание».

И, в-третьих, административная ответственность может быть реализована, а наказание — назначено только в порядке производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном разделами III–V КоАП РФ. Как мы уже отметили выше, порядок наложения денежного взыскания отчасти напоминает такое производство, однако формально данная процедура является принципиально иным видом правоохранительной деятельности и даже не может расцениваться как особый порядок административной юрисдикции.

Итак, мы пришли к выводу, что установленная нормами УПК РФ юридическая ответственность, наступающая за правонарушения участников производства по уголовному делу, имеет достаточно неопределенную правовую природу. Представляется, что в данном случае имеет место так называемая уголовно-процессуальная от-

ветственность. Вместе с тем ее сущность полностью противоречит общетеоретическому пониманию юридической ответственности, поскольку последняя всегда носит статический, постоянный характер и, следовательно, устанавливается материально-правовой нормой.

Попутно вспомним, что в науке советского, а впоследствии — и российского уголовного процесса предпринимались попытки изучения феномена уголовно-процессуальной ответственности. Однако под ней понималась не ответственность, установленная нормами уголовно-процессуального права, а любая ответственность, наступающая за нарушение уголовно-процессуальных обязанностей¹. Таким образом, разрабатываемая отечественными учеными-процессуалистами теория уголовно-процессуальной ответственности никоим образом не противоречит нашей позиции и существует параллельно с ней.

Подобная ситуация, связанная с неопределенной формой юридической ответственности, весьма негативно сказывается и на эффективности денежного взыскания. Например, проведенный нами выборочный опрос федеральных и мировых судей г. Москвы и некоторых близлежащих регионов показал, что на практике данная мера принуждения применяется крайне редко. Особенно остро эта проблема стоит в досудебном производстве, где дознаватели и следователи вынуждены для решения вопроса о наложении денежного взыскания обращаться в суд. А вместе с тем реализация норм, предусматривающих ответственность за схожие административные правонарушения, далеко не всегда предусматривает рассмотрение дела в суде, что, с нашей точки зрения, является весьма целесообразным.

Выдвинув столько аргументов против существования денежного взыскания в уголовном судопроизводстве, стоит задуматься: нужна ли эта мера принуждения вообще или надлежащий порядок предварительного расследования и судебного разбирательства можно обеспечить и по-другому.

Как нам представляется, взимание в доход государства денежных средств с лиц, определенным образом нарушивших уголовно-процессуальный закон, по своему существу — это высокоэффективная и необходимая мера. О ее целесообразности в сфере деятельности органов исполнительной и судебной власти, неоднократно писали известные специалисты в области государственного управления и административного права².

¹ См. например: *Коврига З.Ф.* Уголовно-процессуальная ответственность / Под ред. Л.Д. Кокорева. Воронеж, 1984. С. 44.

² См., например: *Саввин М.Я.* Административный штраф. М., 1984. С. 31; *Шергин А.П.* Актуальные проблемы административно-деликтного права // Юрист. 2004. № 12. С. 45–48.

Однако при этом, думается, что эффективность такой меры касается далеко не всех лиц, подлежащих в настоящее время денежному взысканию по УПК РФ. Так, например, нет никакой необходимости подвергать денежному взысканию личного поручителя, не выполнившего возложенных на него обязательств, предусмотренных ст. 103 УПК РФ. Это лицо отвечает перед обществом и государством не своими деньгами, а доверием к нему, честным именем, репутацией. Тем более, что для некоторых поручителей выплата установленных законом 100 минимальных размеров оплаты труда не связана с особыми материальными затруднениями. В случаях необходимости обеспечения надлежащего поведения обвиняемого посредством угрозы санкциями «экономического» характера следует применять не личное поручительство, а другую меру пресечения — залог.

Итак, на основании всего вышеизложенного мы приходим к прямо противоположным выводам, говорящим «За» и «Против» денежного взыскания в уголовном процессе. С одной стороны, эта мера по отношению к определенным участникам высокоэффективна и целесообразна. Но, с другой стороны, она не характерна для метода процессуального регулирования и несет в себе весьма неопределенную форму юридической ответственности.

Решение данной правовой проблемы нам видится в некоторых изменениях ряда законодательных актов РФ, сводящихся к следующему.

1. Необходимо вообще исключить из текста УПК РФ положения, регламентирующие как само денежное взыскание, так и порядок его наложения.
2. Нормы, устанавливающие ответственность участников уголовного судопроизводства за невыполнение (ненадлежащее выполнение) ими своих процессуальных обязанностей, должны найти отражение в законодательстве об административных правонарушениях, а именно в главе 17 КоАП РФ, посвященной административным правонарушениям, посягающим на институты государственной власти. Попутно заметим, что ранее нами уже были сделаны некоторые предложения по содержанию диспозиций и санкций подобных новых административно-правовых положений¹.
3. Производство по делам о подобных административных правонарушениях должно протекать в общем порядке, установленном III–V КоАП РФ. Думается, что в качестве субъектов администра-

¹ См.: *Росинский С.Б.* Указ. соч. С. 195–196.

тивной юрисдикции в данном случае наряду с судами могут выступать и органы исполнительной власти. Так, например, дела о нарушении порядка в зале судебного заседания вполне могут рассматриваться и разрешаться по существу органами Федеральной службы судебных приставов РФ.

4. Положения УПК РФ, охраняемые, таким образом, законодательством об административных правонарушениях (ч. 1 ст. 258, ч. 4 ст. 103 и ч. 3 ст. 105 УПК РФ и т.д.) обязательно должны быть дополнены бланкетными нормами, отсылающими к соответствующим статьям КоАП РФ.